

Перевод: Simlirr

Редактор: Naides

Пожилая госпожа Цинь уже ожидала их в храме предков. Завидев Минлань и Гу Тинье, она подошла к ним и с улыбкой произнесла:

— Вы, должно быть, устали после вчерашнего, — сказала она. — Пойдёмте, помолимся и почтим предков.

Предусмотрительные служанки уже подготовили благовония и циновки из рогоза. Осмотревшись, Минлань заметила в центре нижнего ряда новую на вид табличку, на которой было написано: «в память о моём любимом отце, Янькай Гу». Минлань прекрасно знала, что ей следовало делать дальше. Неотступно следуя за Гу Тинье, она опустилась на колени, на циновку. Затем она зажгла благовония и начала молиться.

Под конец она воткнула благовоние в открытую курительницу, похожую на чашу, завершив этим процедуру. Обернувшись, Минлань заметила, что Гу Тинье неотрывно смотрел на одну из старых табличек, расположенных в правой части нижнего ряда. На ней было написано: «в память о моей любимой матери, Бай Ши». В его глазах была видна грусть.

Оторвав взгляд от Гу Тинье, Минлань отметила рядом с табличкой отца Гу Тинье две таблички поменьше, одна из них принадлежала его матери, Бай Ши, которая приходилась Минлань родной свекровью. Вторая была более изящной и богато украшенной, на ней было написано: «В память о моей любимой матери, Цинь Ши».

Не удержавшись, Минлань покосилась на пожилую госпожу Цинь и подумала: «Если она умрёт, что напишут на её мемориальной табличке? Раз уж в этой эпохе полное имя женщины нельзя было писать на подобных табличках, получается, что здесь будут висеть две таблички с одинаковыми именами».

Выйдя из задумчивости, Гу Тинье повернулся к ней и сказал:

— Теперь нам нужно выразить почтение пожилой госпоже.

Пожилая госпожа Цинь сидела сбоку, у одной из стен зала с печальным выражением лица. Услышав, что сказал Гу Тинье, она вытерла выступившие слёзы и мягко ответила, махнув рукой:

— Не стоит, не тратьте на это время.

— Нам нельзя забывать об этикете, прошу, не противьтесь, пожилая госпожа, — тихо, но уверенно произнёс Гу Тинье.

Минлань решила поступать рассудительно и во всём следовать за мужем. Велев Данцзюй постелить циновки перед пожилой госпожой Цинь, она опустилась перед ней на колени. Видя, что формальностей ей не избежать, пожилая госпожа Цинь выпрямилась и с улыбкой приняла их выражение почтения. Затем, после того как они встали с циновок, она подарила Минлань пару на удивление прозрачных нефритовых браслетов, украшенных золотыми нитями и увесистый парчовый мешочек, цвета бронзы, наполненный жемчугом.

«Выражать почтение пожилой госпоже Цинь — весьма прибыльное занятие», — подумала Минлань.

— А теперь иди и повидайся со своим старшим братом, — дрожащим голосом произнесла пожилая госпожа Цинь, окинув их взглядом. — Ни один день за прошедшие два года не приносил ему радости. В канун нового года его состояние лишь ухудшилось. Теперь он весь день проводит в постели. Уверена, он будет рад увидеть, что ты женился.

Гу Тинье тут же помрачнел, вероятно, вспомнив о чём-то грустном, но затем он легко и непринуждённо ответил:

— Конечно же мы заглянем к нему.

Затем Гу Тинье и Минлань, сопровождаемые большой свитой, направились в главный двор. По пути они особо не разговаривали, лишь пожилая госпожа Цинь периодически говорила что-нибудь о брате Гу Тинье, однако ей нельзя было много болтать, дабы поддерживать «образ старшего». Из-за этого, сказав пару слов, она на некоторое время умолкала. Минлань, только-только попавшей в эту семью, тоже не подобало много говорить, поэтому она решила держать рот на замке и притворяться застенчивой. Гу Тинье, в свою очередь, был лишён настроения разговаривать и всю дорогу шёл молча с мрачным и печальным выражением на лице. Минлань полагала, что, спроси она, почему он так выглядит, он наверняка ответил бы: «Мне грустно из-за болезни моего брата».

Однако, согласно наблюдениям Минлань, этот человек почти никогда не говорил то, что действительно было у него на уме.

Через некоторое время они, наконец, вышли в главный двор. Когда они вошли во внутренние покои, в нос им ударил сильный запах лекарств. Следуя за пожилой госпожой Цинь, Минлань вошла в просторную спальню, пол в которой был застелен шерстяным ковром. Украшений в этой комнате не было, поскольку всё свободное место было заставлено лекарствами и медицинскими принадлежностями. Слянки и бутылки были везде: на столе, на комоде, и даже на кровати.

На дворе был март месяц, весна уже давно вошла в свои права, но в жаровне, стоявшей в этой комнате, до сих пор ярко горел огонь.

На резной кровати из красного сандалового дерева лежал мужчина. У кровати сидела его жена, госпожа Шао и тихонько плакала. Услышав шаги, она торопливо вытерла слёзы и встала, чтобы поприветствовать гостей.

— Тинъю, твой второй брат пришёл повидаться с тобой, — негромко произнесла пожилая госпожа Цинь. Видя, что Гу Тинъю попытался сесть, она поспешно остановила его, буквально прижав к кровати. Затем, взяв его за руку и легонько поглаживая её, она принялась о чём-то тихо говорить с ним, с трудом сдерживая слёзы.

Несмотря на то, что Минлань была недовольна тем, что пожилая госпожа Цинь не представила её, она всё же шагнула вперёд вместе с Гу Тинъю, поклонилась и с улыбкой произнесла:

— Рада встрече с вами, старший брат и старшая сестра.

Госпожа Шао тут же встала, чтобы вернуть ей любезность. Гу Тинъю, тем временем, с трудом приподнялся, опираясь на локоть, и откинулся на подушку, заботливо подложенную госпожой Шао. Затем он кивнул Гу Тинъю и улыбнулся Минлань.

— Прошу, прости меня за грубость, — сказал он. — Как видишь, от меня сейчас мало толку.

— Прошу, не говорите так, брат, вам сейчас нужно ставить здоровье превыше всего, — поспешно ответила Минлань.

Подняв голову, она была ошеломлена увиденным. Несмотря на то, что Гу Тинъю был при смерти, был худым и мертвенно бледным, он всё ещё выглядел в точности как пожилая госпожа Цинь, а, быть может, ещё красивее и изящнее. Из всех древних людей, что встречала Минлань, лишь Ци Хен, пожалуй, смог бы потягаться с ним в красоте. Однако, в отличие от Ци Хена, красоту Гу Тинъю можно было назвать более женственной.

Закончив говорить, Гу Тинъю закашлялся. На его шее явственно проступили вены, а на щеках вспыхнул нездоровый румянец.

— Сын мой, отдохни, не напрягайся, — с горечью в голосе произнесла пожилая госпожа Цинь, положив руку ему на плечо.

Минлань заметила, что её рука дрожала. Было ясно, что она искренне беспокоится о нём.

Гу Тинъю, улыбнувшись, положил свою руку поверх её, однако всё это время отчего-то неотрывно смотрел на Гу Тинъю. Когда он окинул взглядом своего полного сил брата, в его глазах мелькнули зависть и грусть. Несколько раз прерывисто вздохнув, он произнёс:

— Ты, наконец, согласился повидаться со мной. Всё в порядке, такова наша судьба. Мне давно следовало отдать тебе то, что принадлежит тебе по праву. Это случалось раньше и это

случится снова.

Выйдя из прострации, Гу Тинъе с теплотой в голосе принялся успокаивать брата.

— Зачем ты говоришь такие вещи, брат мой? Твоя болезнь лишь временное недоразумение, когда ты выздоровеешь, всё будет хорошо.

— Ты действительно вырос, — криво улыбнувшись, ответил Гу Тинъю. — Смотри, как хорошо ты научился успокаивать. Ты обзавёлся опытом во многих сферах с тех пор, как покинул наш дом на несколько лет. Это хорошо. Теперь ты единственная опора семьи Гу.

Гу Тинъе опустил голову, ничего не произнес в ответ. Спустя некоторое время он снова улыбнулся Гу Тинъю и принялся успокаивать его так, словно они в действительности были любящими братьями. Гу Тинъю попытался ответить ему, но снова закашлялся, после чего его накрыл приступ лихорадки и он провалился в забытие. После этого все присутствовавшие в комнате тихонько вышли наружу, стараясь не шуметь.

Выражение лица пожилой госпожи Цинь было меланхоличным. Выйдя наружу она обернулась и обратилась к госпоже Шао:

— Ты ещё ничего не ела, верно? Мы можем поручить служанкам присмотреть за Тинъю, пойдём, позавтракаешь с нами.

Поначалу госпожа Шао отпиралась, но вскоре она сдалась и последовала за всеми. Они отправились в покои, расположенные на востоке. Миновав дворик и войдя внутрь, они обнаружили, что стол уже почти накрыт. Находившаяся внутри юная девушка как раз занималась подготовкой.

У этой девушки было красивое овальное лицо. На ней была розово-фиолетовая накидка с вышивкой в виде цветущих ветвей, а её причёску скрепляла золотая заколка в форме пиона, инкрустированная рубинами. Она выглядела приветливой и учливой.

Заметив их, она приветливо улыбнулась им и воскликнула:

— Матушка! Старшая сестрица, второй братец и вторая сестрица, вы, наконец, прибыли! Я так голодна! Если бы мне пришлось ждать дольше, я бы наверняка съела всё здесь сама!

Услышав её, госпожа Шао, не сдержавшись, рассмеялась. Однако, в отличие от неё, пожилая госпожа Цинь отнеслась к девушке безразлично и лишь произнесла:

— Давайте есть, все уже проголодались.

Подозвав эту девушку поближе, госпожа Шао представила её Минлань.

— Это твоя третья сестрица, жена Вейгэ'эра. Она происходит из семьи бо Ченпина, семьи Чжу. Она наиболее добрая и участливая среди всех нас. Если тебе когда-нибудь будет скучно, ты всегда можешь поболтать с ней и она будет рада помочь тебе.

Услышав имя «Вейгэ'эр», Минлань чуть не подавилась слюной, но затем до неё дошло, что в древние времена это средство называлось по-другому. Это имя было созвучно с Виагрой. Человеком, о котором говорила госпожа Шао, был третий брат Гу Тинье, Гу Тинвей, приходившийся родным сыном пожилой госпоже Цинь.

Мысленно похихикав, Минлань кивнула. Неожиданно в голову к ней пришла мысль, которая весьма озадачила её. Если говорить о возрасте, она была на несколько лет младше, чем Чжу Ши, но если судить по семейной иерархии, она приходилась ей старшей сестрицей. Пока она раздумывала об этом, Чжу Ши, которую эти тонкости явно не волновали, подошла к ней и с улыбкой поприветствовала её:

— Рада познакомиться с тобой, вторая сестрица.

— Я тоже рада с тобой познакомиться, третья сестрица, — слегка покраснев, ответила Минлань.

Взяв из рук Данцзюй заранее подготовленный мешочек, она вручила его Чжу Ши. Та, рассмеявшись, приняла его и восторженно воскликнула:

— Так здорово быть младшей в семье! Хотела бы я, чтобы у меня было больше братьев и сестёр!

Все присутствовавшие расхохотались, услышав это, и даже пожилая госпожа Цинь улыбнулась. После того как все яства на столе были расставлены, все по очереди заняли свои места. Минлань заметила, что госпожа Шао и Чжу Ши всё ещё стояли, поэтому она встала рядом с ними, пребывая настороже и будучи готовой помочь подавать еду. Однако, увидев это, пожилая госпожа Цинь махнула рукой и сказала:

— Вы трое, садитесь и ешьте. Не зря же говорят, что в первые три дня после свадьбы на старшинство можно не обращать внимания. К тому же, мы не та семья, в которой всё внимание уделяется строгому соблюдению правил. Ну же, садитесь, — затем она ткнула пальцем в Гу Тинье и сказала. — А тебе стоило бы сходить в боковую комнату, твой третий брат ждёт тебя там. Вы уже давно не виделись, а сейчас у вас, наконец, будет возможность поболтать. А остальных родственников вы с Минлань сможете встретить и после завтрака.

Гу Тинье поклонился пожилой госпоже Цинь и, подойдя к Минлань, шепнул ей:

— Я пойду туда первым, а тебе было бы неплохо поесть, — его тон и лицо были безучастными,

но его обеспокоенный взгляд выдавал его мысли.

На первый взгляд казалось, что пожилая госпожа Цинь не увидела всего этого, поскольку в этот момент она занималась тем, что раздавала приказы слугам, однако она всё равно улыбнулась уголками губ. Госпожа Шао смотрела на молодожёнов с улыбкой, но в глубине души она чувствовала горечь и зависть. Одна лишь Чжу Ши весело рассмеялась и сказала:

— Не бойся, второй братец, мы не съедим твою жену!

С улыбкой попрощавшись со всеми, Гу Тинье ушёл.

Минлань продолжала стоять с опущенной головой, чувствуя, как её лицо краснеет и потихоньку начиная паниковать.

«Прекрасно, замечательно», — подумала она. — «Теперь я умею краснеть в любое время, когда захочу. Осталось только научиться контролировать силу и эффект, и я буду мастером краснения».

Минлань украдкой взглянула на сидевших перед ней женщин. Пока что всё шло вполне нормально. Её свекровь была доброй и сговорчивой. Старшая невестка — благородной и добродетельной, а младшая невестка — энергичной и приветливой. Атмосфера в этой семье была тёплой и гармоничной.

Если бы всё это ещё было по-настоящему, она наверняка посчитала бы себя счастливницей. Однако с того раза, когда Минлань едва не утонула, цепляясь за обломки, она поняла одну вещь: жизнь всегда сможет удивить её.

И ей ещё предстояло узнать, какие сюрпризы для неё приготовила семья хоу Нинъюань.

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1464588>